

© 2017 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

ЕВСТАФИЙ ГИНОВСКИЙ-АСТАМАТИЙ
И ОСМАНСКАЯ ВЛАСТЬ
НАД ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНОЙ В 1677–1678 годах

*«Великой и страшной вор и прегбеглец
во всех народах и языки всякие в достатках разумеет»*

(Из отписки резидента В.М. Тяпкина)

В статье рассматривается биография и дипломатическая карьера одного из крупных украинских дипломатов второй половины XVII в., Е. Гиновско-Астаматия. Уточняется и дополняется ряд фактов, связанных с его деятельностью во времена гетмана И.Е. Выговского. Основное внимание посвящено деятельности Е. Гиновского-Астаматия во второй половине 1670-х годов, когда он играл активную роль в отношениях правобережного гетмана Ю. Хмельницкого с Османской империей. Детально анализируется впервые вводимая в научный оборот дипломатическая инструкция для переговоров с турками, которую Е. Гиновский-Астаматий получил от гетмана. Текст ее публикуется в приложении.

The article deals with the biography and diplomatic activity of Eustathius Ginovsky-Astamaty, one of the prominent Ukrainian diplomats of the second half of seventeenth century. Some facts of his biography during Ivan Vyhovsky's rule have been revised and updated. Furthermore the paper focuses on Ginovsky-Astamaty's activity in the 1670s, when he played an important role in relations between Yuri Khmelnitsky, the *hetman* of Right-bank Ukraine, and the Ottoman Empire. An earlier unknown diplomatic instruction for the negotiations with the Ottomans, which was given to Ginovsky-Astamaty by the *hetman*, is thoroughly examined. The document itself is published as an annex.

Ключевые слова: Османская империя, Юрий Хмельницкий, украинско-турецкие отношения, Евстафий Гиновский-Астаматий, польско-турецкая война 1672–1676 гг., русско-турецкая война 1673–1681 гг.

Keywords: Ottoman Empire, Yuri Khmelnitsky, Ukrainian-Ottoman relations, Efstaphy Ginovsky-Astamaty, the Polish-Turkish war of 1672–1676, Russian-Turkish war 1673–1681.

История османского владычества на Правобережной Украине в форме учреждения в 1677 г. гетманства во главе с монахом-расстригой Юрием Хмельницким, сыном Богдана Хмельницкого, известна историкам лишь в самых общих чертах. Многие страницы этих драматических событий до сих пор

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

остаются лишь слабо очерченными, главным образом из-за весьма скудной источниковой базы.

По весьма отрывочным свидетельствам, часто полученным из вторых рук, мы с трудом можем реконструировать деятельность даже наиболее заметных участников событий той эпохи. К одним из таких относится Евстафий (Остафий) Гиновский-Астаматий. Он в силу своего иноземного происхождения и купеческого статуса, может быть, и не играл ведущих ролей среди политической элиты Гетманщины, однако порой оказывал казацким правителям весьма ценные услуги. Редкой для эпохи казацких войн второй половины XVII столетия была и продолжительная политическая активность Астаматия, перед глазами которого прошли все бурные события от восстания Богдана Хмельницкого до Руины конца 1670-х годов, что обусловило внимание историков к его личности. В частности, украинский историк И. Крипьякевич посвятил ему специальную заметку [1. С. 6–11].

Исследованию деятельности Астаматия при Юрии Хмельницком во второй половине 1670-х годов, на которое пришелся пик его дипломатической карьеры, и посвящена данная статья, которая поможет в значительной мере прояснить и политическую программу той немногочисленной казацкой группировки, которая стояла за спиной турецкого ставленника.

В документах 1661 г. о нобилитации (предоставлении дворянства) и пожаловании имением говорилось, что отец-грек Астаматий происходил из Македонии, но переселился в Речь Посполитую, где служил в польском войске, в хоругви полковника Хмелецкого и погиб в битве с татарами под Галичем (по-видимому, речь идет о битве под Мартиновым 1624 г., недалеко от Галича, в которой гетман С. Конецпольский разгромил татарскую орду). Сам Евстафий тогда, видимо, был совсем юным. Позднее он также прослужил несколько лет в коронном войске [2. С. 248–250, 260–263]. И.В. Крипьякевич выяснил, что Астаматий какое-то время занимал должность постельничего при дворе молдавского господаря Василия Лупула [3. С. 245] (правил в 1634–1653 гг.). Именно тогда, по всей видимости, установились тесные связи Астаматия с Молдавией, где проживало немало выходцев с Балкан, в том числе греков, активно занимавшихся разного рода торговыми операциями.

Настоящая – родовая – фамилия его была Гиновский – именно так именовался в официальных документах (например жалованных грамотах на имения) и он сам [2. С. 248–250, 260–263; 4. С. 486]¹, и его сын [6. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 12. Л. 45–46]. Однако прозвище Астаматий (Астаматенко), по всей видимости происходившее от отчества, закрепилось за ним и за его сыном в качестве второй фамилии. Именно как Астаматий Евстафий Гиновский и фигурирует в различных документах русских архивов. В соответствии со сложившейся традицией этот видный деятель эпохи Руины будет именоваться Астаматием и в данной статье.

В 1654 г. Астаматий получил от Б. Хмельницкого право сбора всех таможенных пошлин с купцов на границах Гетманщины. Уже тогда коммерческую деятельность предприимчивый грек совмещал с разведывательно-дипломатической, о чем свидетельствует его переписка в сентябре – ноябре 1654 г. с генеральным писарем Войска Запорожского И.Е. Выговским, которому Астаматий сообщал различные вести с украино-польского пограничья,

¹ На этот факт обратил внимание еще Н.И. Костомаров [5. С. 550–551], однако его важное наблюдение прошло незамеченным в работах последующих историков.

касавшиеся событий в Молдавии, Турции и Крыму и пр. [1. С. 7–8] (см. также [7. С. 149–150])². Любопытно, что спустя четверть века Астаматий напоминал немировскому подстаросте Степану Куницкому, что он даже был послом Войска Запорожского к королю Яну Казимиру, добившись того, что якобы «тогда индукта поступлена на булаву и констытутуцею ствержено» [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 46. Л. 287].

Заметную роль играл Астаматий и в гетманство И.Е. Выговского. Именно он был направлен гетманом в Османскую империю, чтобы добиться военной помощи против России. Миссия окончилась успехом, султан дал позволение крымскому хану выступить на соединение с Выговским, который сумел нанести русской армии А.Н. Трубецкого поражение под Конотопом. Все эти факты представлены в исследовании польского историка П. Кролля [8. S. 143, 186, 215–216, 265]. Однако из-за того, что он, как и все предыдущие исследователи, не имел достаточно данных, чтобы отождествить Гиновского и Астаматия, в историографии продолжает присутствовать путаница, выражающаяся в утверждениях о нескольких посольствах в Стамбул, каждое из которых возглавлялось разными людьми, тогда как на самом деле это был один и тот же человек. Так, в статье А.Г. Бульвинского возникает зимой–весной 1659 г. уже даже три отдельные миссии: 1) посланцев Выговского, неких Германа и Стотатенко в Стамбул в январе–феврале; 2) Евстафия Гиновского в Стамбул весной; 3) «Волошанина» Астаматия, посланца султана к Выговскому в апреле [9. С. 133].

Источников обо всех этих посольствах не так много и все они являются вторичными пересказами. Так, шляхтич Кшиштоф Перетяткович, который 26 (16)³ апреля 1659 г. (выехал из Варшавы 12 (2) апреля в субботу и находился в пути две недели) привез Выговскому привилей на киевское воеводство, на следующий день застал у чигиринского полковника на обеде Астаматия – «волошина» и «посланца от цесаря турецкого». 28 (18) апреля Перетяткович стал свидетелем вручения Астаматию гетманского «ответа» [10. С. 350–351]⁴. Обо всем этом шляхтич, пусть и на основе каких-то старых записей, свидетельствовал почти тридцать лет спустя, в 1683 г. [10. С. 341], и поэтому некоторые детали (национальность Астаматия, был ли он посланцем султана или возвратившимся гонцом Выговского и т.д.) были или могли быть изложены им неточно⁵.

В начале августа 1659 г. коронный обозный Анджей Потоцкий сообщал королю, что посланца Выговского, некоего «Nemmatego», Порта приняла весьма дружественно [10. С. 363]. По справедливому мнению П. Кролля речь шла как раз об Астаматии [8. S. 265].

Наконец, в документах, связанных с пожалованием Астаматия дворянством и имениями, говорится как раз об активной поддержке им казацко-польского сближения и о его посольстве накануне Конотопской битвы к султану, который позволил Крыму оказать Выговскому столь необходимую военную помощь [2. С. 248–249, 261].

² И. Крипьякевич, говоря о корреспонденции Астаматия с Выговским за период сентября – ноября 1654 г., датирует одно из писем 10 сентября 1656 г., что, по-видимому, является результатом опечатки.

³ У дат по новому стилю в скобках указан старый стиль.

⁴ А.Г. Бульвинский ссылается на работу С. Стрельчевского [11], впервые опубликовавшего воспоминания К. Перетятковича в 1873 г. [9. С. 133, 138].

⁵ С этой точки зрения воспоминания К. Перетятковича подверг критическому разбору М.С. Грушевский [12. С. 289, 331–332].

Таким образом, оставляя в стороне полумифического Германа⁶ и принимая на веру утверждение А.Г. Бульвинского о выезде Астаматия («Стоматенко») в Стамбул в январе—феврале 1659 г., мы можем констатировать, что К. Перетяткович стал свидетелем возвращения грека из османской столицы. В результате его миссии крымский хан 20 мая выступил в поход со значительным войском [13. С. 210]. Возможно, что Астаматий 26 (16) апреля был отправлен в Стамбул вторично, с выражением официальных благодарностей гетмана за помощь. Крупного политического значения эта поездка уже не имела.

13 (3) июля 1661 г. за усилия по возвращению Войска Запорожского под власть Речи Посполитой и стамбульское посольство Астаматию было пожаловано потомственное шляхетство [2. С. 260—263], а 27 (17) июля — имение Черная Каменка в Белоцерковском старостве в вечное владение [2. С. 248—250].

Однако спустя несколько лет, 3 июня (24 мая) 1667 г. шляхтич греческого происхождения был лишен Черной Каменки за переход «под поганскую протекцию» вместе с другими изменниками. Имена их были переданы верному Польше бывшему правобережному гетману Павлу Тетере [2. С. 401—403]. Измена Астаматия могла означать только одно — его переход под знамена турецкого вассала — правобережного гетмана П.Д. Дорошенко, которому знания и дипломатический опыт грека пришлись весьма кстати.

И действительно, благодаря исследователю Д. Дорошенко, обратившему внимание на информацию румынского историка Н. Йорги, мы знаем, что в мае 1669 г. султан (через каймакама Мустафу-пашу) выдал свой фирман представителю П.Д. Дорошенко греку Стамателло (Астаматию), позволявший казакам держать своего резидента при османском дворе [14. С. 261]. Однако о деятельности Астаматия в качестве резидента в 1669—1674 гг. ничего не известно. Возможно, его назначение изначально не подразумевало постоянного пребывания в Турции, либо деятельность резидентуры прерывалась на значительное время по каким-то причинам, хотя известны и другие представители Дорошенко в Стамбуле в указанное время (1669 и 1674 гг.) [1. С. 9]. В то же время русский резидент в Речи Посполитой в 1673—1677 гг. В.М. Тяпкин свидетельствовал, что грек «есть великой верной друг Дорошенку, от него ж на дворе турецком тот Стоматенко и резидентом был чрез сколько лет». «И я ево добре знаю, — добавлял резидент в своей отписке в Посольский приказ 3 марта 1677 г., — от тех мест, когда я был в Воложской земле в Ясах у господаря Ильи Александровича, а тот Стоматенко придан мне был от господаря в приставех» [6. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 92]⁷. Ильяш Александрович был молдавским госпо-

⁶ В опубликованных источниках он упоминается как посол Выговского в Порту годом раньше, т.е. в начале 1658 г. (см. [10. С. 283]). Учитывая то, что в составленном А.Г. Бульвинским перечне эта миссия не фигурирует [9. С. 133], не исключено, что в посольство зимы 1659 г. Герман был «зачислен» украинским исследователем ошибочно. Кроме того, уже упоминавшееся письмо Потоцкого от 4 августа (25 июля) 1659 г. с упоминанием «Nemmatego» (издатели ПКК ошибочно отождествили его с Германом, см. [10. С. 363, 459]) Бульвинский необоснованно считает подтверждением направления в Стамбул посольства «Германа и Стоматенко». При этом при описании двух миссий украинский историк ссылается в том числе и на архивные данные (материалы Института рукописей Национальной библиотеки Украины), однако это либо не дает в наше распоряжение новых фактов (как в случае с возвращением Астаматия в апреле), либо не вносит ясности в события казацко-османских отношений первой половины 1659 г. Точка в этом «расследовании» может быть поставлена лишь перепроверкой архивных источников, использованных Бульвинским.

⁷ Информация из польской посольской книги № 182, касающаяся Ю. Хмельницкого и Астаматия, приводимая здесь и далее, любезно указана Б.Н. Флорей.

дарем в 1666—1668 гг. и, видимо, в 1660-е годы дипломатическую деятельность от имени казацкого гетмана Астаматий, как и ранее, совмещал со службой при молдавском дворе.

По сведениям Ф. Пулаского, издателя актов по польско-турецким отношениям 1677—1678 гг., Астаматий после начала польско-турецкой войны 1672—1676 гг. и захвата турками Подолии в 1672 г. получил во владение от османов Шаргород. Ян Собеский, освобождая подольские города от османской оккупации после успешной битвы под Хотинем (1673 г.), пожаловал новые имения перебежчикам, чтобы заручиться их лояльностью польской власти. В частности, Астаматий королевским привилеем от 23 (13) ноября 1674 г. получил деревню Каришков (Karyszko; также в Подолии). При этом своему эконому, назначенному в Шаргород, король писал, чтобы «Astamatego i rodzicielkę⁸ jego z domem i wszystkim dobytkiem uwolnić od wszelkich agrawacyi, kontrybucyi i opłat» («Астаматия и родительницу его со всем домом и всеми пожитками избавить от всех повинностей, контрибуций и выплат») [4. S. 465, 486].

Однако усилия Яна Собеского пошли прахом. Астаматий вновь выехал в Турцию как резидент П.Д. Дорошенко. Выходцы из татарского плена сообщали в Москве, что в августе 1674 г. полковники Дорошенко — Г. Гамалея и О. Гоголь, а также «шаргородский сотник» Астаматий были «при войске турском», призывая украинские города и местечки перейти под власть султана. В ноябре Астаматий от лица Дорошенко просил у визиря помощи против русских и поляков, однако безуспешно («везирь ему сказал, что мы не можем никакова совету дать, вы лучше знаете как поступать») [6. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 166. Л. 545об., 591об.]. Известно письмо нежинского полкового судьи Федора Завадского, сообщавшего левобережному гетману И. Самойловичу, что от его лазутчика, посланного в лагерь П.Д. Дорошенко под Корсунь, стало известно о прибытии 28 мая 1675 г. в Канев Астаматия, который был в Порте «на резиденции». Там он встретился с П.Д. Дорошенко, заявив, что ему на помощь идет крупное турецкое войско, расположившееся на правом берегу Буга, под Комаргородом на Брацлавщине. Турки якобы намеревались двигаться на Киев [15. Т. 12. Стб. 115—116]. И. Крипьякевич с доверием отнесся к этому известию, хотя и отмечал, что османское войско в итоге не поддержало Дорошенко, занявшись разорением Побужья [1. С. 9]. Действительно, в ходе военной кампании 1675 г. турецкая армия сосредоточилась не на помощи украинскому вассалу султана, а на укреплении своих позиций в Подолии и смежных с ней Галичине и частично Волыни, где и развернулись основные военные действия [16. S. 157—202]. В этом свете заявление Астаматия представляется всего лишь сомнительным слухом, рассчитанным на устрашение русского правительства и левобережного гетмана Самойловича с целью заставить их воздержаться от активных боевых действий на правобережье Днестра. Если целью дипломатической миссии грека было получение для своего патрона турецкой военной помощи, то следует констатировать, что она закончилась полной неудачей.

В июне 1675 г. по поручению гетмана Астаматий в составе казацкой делегации был направлен для участия в мирных польско-турецко-крымских переговорах в Маначине (Подолия). Однако представители Дорошенко

---

⁸ Вряд ли здесь речь идет о матери Е. Астаматия, возможно имелся в виду взрослый сын грека и его мать, жена Астаматия-старшего.

не были к ним допущены, будучи вынуждены довольствоваться информацией, которую сообщал им ханский визирь.

В 1676 г. Дорошенко вновь направил Астаматия к османскому двору, где тот сумел добиться аудиенции султана [1. С. 9–10]. О данных греку поручениях мы можем судить лишь на основе королевского универсала, изданного в июне 1676 г. В нем провозглашалось, что правобережный гетман пытается добиться подтверждения султанской «протекции», оправдывая свою сдачу «Москве» тем, что не получил вовремя османской помощи. Дорошенко просил политической и военной поддержки, обещая привести под власть Стамбула и Заднепровскую Украину [17. С. 292]⁹.

К тому времени стало очевидно, что дни гетманства П.Д. Дорошенко сочтены. На Правобережье появились царские войска и, в конце концов, потерявший поддержку казачества Дорошенко отрекся от булавы в пользу левобережного гетмана Самойловича. Понимая это, Астаматий, по всей видимости, заранее начал хлопотать при османском дворе, чтобы турки передали булаву ему. В июле 1676 г. ходили слухи, что греку удалось заручиться согласием Порты на назначение его гетманом, в знак чего он даже был пожалован серебряным кафтаном [1. С. 9–10].

По Журавненскому миру 1676 г., завершившему четырехлетнюю польско-турецкую войну, Украина, за исключением Паволочи и Белой Церкви, отошла вассальным султану казакам, при этом Немиров и Кальник оставались в польских руках до возвращения из Стамбула великого посла Речи Посполитой, который подтвердит мирный договор. В договоре отмечалось, что если султан пожелает оставить за собой эти города, полякам необходимо будет вывести из них гарнизоны [19. С. 72].

Были ли слухи о назначении Астаматия гетманом преувеличенными или же Порты просто поменяла свое решение, но в начале 1677 г. булаву получил Юрий Хмельницкий. Резидент В.М. Тяпкин писал в своей депеше от 3 марта: «Салтан турецкой приказал святейшему патриарху константинопольскому ростричь и разрешити от иноческа предприятия Юраска Хмельницкого, потом же учинил ево гетманом запорожским и господарем над всею Україною, и дал ему булову и бунчюк гетманской, и посылает ево з двумя пашами и с войски своими под Чигирин для того, чтоб чигиринцы и прочие все украинские народы, памятучи и любя отца ево, Юраскова, Богдана Хмельницкого, приняли ево, Юраска, себе за гетмана и были в верном подданстве у турецкого салтана». Однако в действительности власть нового правителя османам еще только предстояло утвердить военно-дипломатическими методами. Тем не менее Москве было отчего тревожиться. Как сообщал в той же отписке Тяпкин: «И ныне тот Юраска и прочие zelo великие готовности войск турецких стоят по берегу над Дунаем, и не мешкав, Юраско под Чигирин, а иные паши с войском под Киев пойдут, прочих же войск на Дон, и под Астарахнь от Азова чаять походу» [6. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 90–91]. На пути османов стояла не только Россия, не собиравшаяся уступать гетманскую столицу – Чигирин, но и Речь Посполитая, направившая в 1677 г. в Стамбул посольство хелминского воеводы Яна Гнинского в надежде пересмотреть условия Журавненского мира 1676 г.

Следует согласиться с И. Крипьякевичем, что Евстафий Астаматий стал правой рукой и главным советником Юрия Хмельницкого [1. С. 10], который

⁹ На эту информацию обратили внимание украинские исследователи В. Смолий и В. Степанков [18. С. 592].

никогда не был самостоятельной политической фигурой. Осведомленный информатор — Федор Яковенко, переяславский казак, сопровождавший русского гонца в Турцию Афанасия Поросукова, в 1678 г. утверждал, что гетманство Хмельницкого «началось от Стаматенка» [15. Т. 13. Стб. 603]. По свидетельству секретаря французского посольства в Стамбуле, Ф. де ла Круа, турки воспользовались услугами Астаматия (Stamatello) для оповещения населения Правобережной Украины о назначении гетманом Ю. Хмельницкого. Грек выехал туда, снабженный копиями текста универсала нового, протурецкого гетмана, фактически дававшего ему полномочия наместника. Помимо этого, Астаматий имел секретные поручения по сбору информации о политике России и, что интересно, должен был поощрять восстановление земледелия (очевидно, что в ходе непрекращающихся войн посевные площади на Правобережной Украине должны были сильно сократиться) среди местного населения, чтобы наступающая османская армия могла пополнить запасы фуража и провианта. Миссия Астаматия должна была подготовить выезд в земли «княжества» самого Хмельницкого [20. Р. 114—115]. Согласно отписке В.М. Тяпкина от 3 марта «салтан же турской послал от себя в Украину старшину и всех казаков многими волнностями и дарователными обетницами увещевати и бунтовать против государства московского нарочнаго и ведомого во всей Украине врага и шалбера грека родом, именем Стоматенка, ему же бутто и булаву полную на казацкое гетманство салтан велел дать и назначил ему место жити в Украине в городе Немирове» [6. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 91об.—92]. Таким образом, по согласованному мнению разных источников, миссия Астаматия была частью османских планов по подчинению Украины, при том, что именно по решению Порты он был фактически назначен «польным» гетманом, т.е. заместителем Ю. Хмельницкого. В.М. Тяпкин в упомянутом донесении дал Астаматию любопытную характеристику: «великой и страшной вор и претеглец во всех народах, и языки всякие в достат(к)ах разумеет». «И в Украине ево не токмо старшина, но и посполство все знают и имя ево ведают», — добавлял резидент, полагая, что «потреба бы прилежно такого вора в Украине разумными способы и тайными и всякими промыслы поймать». Тяпкин предполагал, что одна из целей Астаматия — установить контакт с его давним патроном П.Д. Дорошенко («а чайть ево подлинно быти у Дорошенка»), и что «хитрые действа [...] о Юраске Хмелницком и о Стоматенке», т.е. турецкие планы в отношении Украины — «походят в турецкие уши от двора полского и французского, чтоб всячески казаков до бунтов привесть» [6. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 92—93].

12 марта 1677 г. Астаматий, прибыв в Яссы, отправил оттуда письмо немировскому подстаросте Степану Куницкому, подписавшись как «наместник малороссийский и региментарь войск украинных запорожских, пан на Шаргороде» [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 46. Л. 286об.—289]¹⁰. Этот интересный и важный для биографии нашего героя источник, до сих пор не опубликованный, был лишь в самых общих чертах охарактеризован Н.И. Костомаровым, который считал его одним из тех «универсалов», что Астаматий рассылал по Подолии [5. С. 550—551]. На самом же деле это письмо предназначено совершенно определенному адресату.

¹⁰ В составе книги Малороссийского приказа сохранился его современный перевод. О присылке текста в Москву гетманом И. Самойловичем см. [15. Т. 13. Стб. 121, 143].

Астаматий сообщал Куницкому о своем возвращении в Яссы от султанского двора, освобождении из заключения («из вязенья») Юрия Хмельницкого, которого султан «после отца покойного Зиновья Богдана Хмельницкого учинил [...] ясне освяченным князем Малыя Росии». Хмельницкий-младший, «имея в доброй памяти договоры, постановленные с салтановым величеством и на-яснейшим королем полским чрез хана и Ибраим пашу», по «именному указу» везира Кара-Мустафы поручил греку «наместничество и совершенное правление над всем войском». В другом месте он называл себя на польский манер «региментарем», т.е. главнокомандующим.

В соответствии с данными ему полномочиями Астаматий требовал от Куницкого отказаться от власти над населением в районе Немирова («не вступайся в посторонния люди около Немирова»), которое принадлежит «к Украине, к булаве давных предков и гетманов Войска Запорожского». Наместник нового гетмана настаивал, чтобы немировский подстароста перестал собирать «индукту» — пошлину на товары, ввозимые из-за границы, на которую имеет право только гетман («к тому никто не належит, токмо булава»). Впрочем, грек соглашался, что бы за немировскими властями остался некий сбор, который «издавна» брался «от купцов».

Астаматий настаивал, чтобы появившийся в Брацлавском полку некий самозванный полковник, «буде какой человек доброй», прибыл к нему для утверждения на своей должности. Грек считал, что, видимо, Куницкий имеет возможность заставить его сделать это. Узнав о задержании в Немирове неких «сторонних людей», наместник Хмельницкого увещевал подстаросту не запрещать им «ездить хто куды похочет на свои места и на старые попелища, ведая о том, что весна одинава в году». Речь шла о пытавшихся возвратиться с наступлением весны в свои села и хутора земледельцах, которых Куницкий хотел насильно расселить в Немировском старостве. Астаматий же гарантировал им безопасность «от наездов татарских», несмотря на то, что «великие войска полями пойдут на Тягин под Чигирин». По его словам, султан и визир как раз послали его «наперед [...] для защищения подданных русского князя», чтобы они без опасения «в работах своих трудились». Он обещал, что таким земледельцам «обида б никакой не было, как и не будет». Здесь можно видеть прямое указание на готовность грека выполнить те османские поручения, о которых писал Ф. де ла Круа.

Астаматий выражал протест по поводу намерения Куницкого привести в Немиров «войсковых осадных людей», т.е. воинский гарнизон для обороны города, что, по его мнению, противоречило польско-турецким договорам (Журавненскому миру). Он интересовался, правда ли то, что в Кальницком полку и в «Немировщине», вверх по Южному Бугу, татары-липки захватили себе «маетности». Грек сообщал, что имеет указ везира, запрещающий липкам «вступатца в княжение Малороссийское», которое «к булаве и Войска Запорожского как издавна належало, и ныне належит».

В конце письма Астаматий жаловался на некоего Скородниченко, который разорял его имения: Шаргород, Каришков, Краснянщину: «моих людей грабит, ставы разоряет, пасеки выбирает, людей бьет». Подобные претензии высказывались и в адрес самого Куницкого, которого грек просил сообщить о прибытии Скородниченко в Немиров. Под конец письма Астаматий патетически восклицал, что вступает на Украину «не таким обычаем, чтоб утеснять войсками своими людей», как это принято согласно «польскому

обычаю», и просил Куницкого присылать ему новости из Киева, Чигирина и с Левобережной Украины [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 46. Л. 286об. — 289].

Казак Василий Новак, побывавший как лазутчик в Яссах и на Дунае в конце марта — начале апреля 1677 г., сообщал о прибытии Астаматия в г. Сороку с намерением добиться от польских властей вывода войск из тех украинских городов, где они еще оставались. Грек вновь писал к Куницкому, теперь уже с требованием очистить Немиров, но тот ответил отказом [15. Т. 13. Стб. 124—125]. Ф. де ла Круа отмечает, что «вояж» Астаматия был коротким, поскольку местное население с недоверием встретило его пропаганду (универсал Хмельницкого казаки считали ненастоящим, считая, что сам он погиб в «Тартарии»), хотя на словах и выражали готовность подчиниться новому лидеру [20. Р. 115]. После этого грек вместе с молдавским господарем выехал навстречу Ю. Хмельницкому и сопровождавшему его турецкому войску [15. Т. 13. Стб. 139].

Однако вскоре Астаматию пришлось оставить административную деятельность и вернуться к дипломатической. 14 мая из Варшавы двинулся в турецкую землю польский дипломат Ян Гнинский для ратификации мирного договора с Портой. Инструкция Гнинскому содержала требования от совершенно неисполнимого возвращения Польше Подолии и Украины до более умеренной претензии на сохранение части Украины, на север от линии Трехтемиров — Рашков (в крайнем случае — Белой Церкви, Паволочи, Кальника, Немирова и Брацлава), а также части Подолии с Язловцом, Баром, Межибожем и Черным Островом. Кроме того, Порта должна была запретить Ю. Хмельницкому использовать титул «князя Малой России и Сарматии» [19. S. 111—116; 21. S. 86—87].

Понимая, что от польско-турецких переговоров зависит дальнейшая судьба, и в первую очередь границы вассального украинского «княжества» Порты, Астаматий принял деятельное участие в дипломатических интригах вокруг посольства. Автор официальных дневников польского посольства не раз признавал, сколь вредила деятельность грека реализации задач, поставленных перед Гнинским. Впрочем, влияние Астаматия на принимаемые Портой решения не стоит преувеличивать, а мнение Гнинского необходимо рассматривать с учетом того, что посольство окончилось неудачей и польскому дипломату нужно было особенно подчеркнуть невероятную трудность порученной ему задачи и препятствия, стоявшие на пути ее выполнения.

Первая встреча Астаматия и дипломатов Речи Посполитой произошла в конце июня в Яссах. Польские послы отмечали, что в городе проживает немало армян, греков и евреев, которые не только дают необходимую туркам информацию о Подолии и Украине, но и поддерживают укрепление ее власти над этими территориями. Первым среди них назван Астаматий, который «*po Oryń i Dymir Ukrainę opisał, obadwa Konstantynowy w tę linię włożył, po Ostróg zakroił i wielką część Wołynia wciąga*» («по Горынь и Дымер Украину описал, оба Константинова включив в этот рубеж, по Острог отмежевал и большую часть Волыни туда втянул»), чем вызвал нарекания даже со стороны греческой общины. Более того, Астаматий настаивал на передаче Порте Немирова, где намеревался устроить свою резиденцию, тогда как Ю. Хмельницкий должен был сидеть в Чигирине. «*Z nikogo tedy większa nie będzie przeszkoda do traktatów jako z tego złego człowieka*» («Ни от кого не будет большего вреда для переговоров, как с этого злого человека»), — писал о Астаматии автор польского диариуша.

При выезде посольства из Ясс, грек вновь требовал от Речи Посполитой уступки Порте Немирова, наиболее обустроенного города на Правобережной Украине, как отмечали послы. Взгляды Астаматия несколько поменялись, теперь

он собирался посадить там Юрия Хмельницкого, признавая, что разоренный и сожженный Чигирин не годится на роль политического центра [4. S. 10, 12].

Выехав из Ясс, через неделю (в начале июля) посольство встретило огромное турецкое войско, двигавшееся на Чигирин. В турецком лагере был Ю. Хмельницкий, однако Астаматия не было, он, по свидетельству послов, выехал из Ясс на Берлад, направляясь в Стамбул, куда уже насильно («*in vitum*»), видимо, в качестве заложника для обеспечения верности отца, по распоряжению османских властей был отправлен его сын [4. S. 19]. Это, по всей видимости, более достоверные сведения, чем те, которые содержались в письме немировского подстаросты С. Куницкого киево-печерскому архимандриту Иннокентия Гизелю, написанному в конце июля 1677 г. Куницкий сообщал о движении турецкой армии от Днестра к Чигирину, при которой и Ю. Хмельницкий с шестьюдесятью казаками, — «ведет его Коваленко калницкой да Остаматенко, которого хотели послать за послом великим полским для разделения Украины» [15. Т. 13. Стб. 227].

Политическая программа и гетмана Юрия, и стоявшего за ним Астаматия, и других старшин была гораздо более широкой, чем просто требование территориальных уступок от польской стороны. Так, в начале июля С. Куницкий узнал через ездившего в Яссы еврея-купца, который водил знакомство с находившимся там в тот момент сыном Астаматия (видимо, еще до отъезда в Турцию), что Хмельницкий домогается от турок не только Немирова, но чтобы «по самую Случь реку, яко договоры со умершим отцом его постановили с королевским величеством, славной памяти Казимером, ограничение было». С этой целью Юрий послал в Стамбул, как выражался Куницкий, «Июду предателя Астаматия и те договоры с печатью королевскою и с подписью рук сенаторских, уговаривая пред салтаном турским о том с полским послом» [15. Т. 13. Стб. 210].

Подтверждает это известие и одновременно дает более конкретное представление о порученной греку миссии ранее не известная историкам латиноязычная инструкция, данная Евстафию Гиновскому-Астаматию от «правителя и князя Малой России и Украинского Войска Запорожского» «в лагере под Бендерами, что на Днестре». Она сохранилась в копии в архивном собрании Замоиских [22. S. 532–535]. Первооткрывателем документа следует считать польского историка Я. Волиньского, в архиве которого сохранилась его рукописная копия (см. [23. К. 51–53vol.]).

Одним из центральных пунктов инструкции (статья 3) была задача прозондировать у Порты ее отношение к условиям Зборовского (1649 г.) и Гадячского (1658 г.) трактатов, по которым Гетманщина («Малая Россия») получала достаточно широкие автономные права. Сама по себе ссылка на эти соглашения двадцати-тридцатилетней давности должна была послужить обоснованием определенной устойчивости и легитимности многолетней традиции автономного существования украинских земель. С этой целью казацкая элита стремилась почеркнуть, что, согласно Гадячскому соглашению, Гетманщина как отдельный политический субъект («Великое княжество Русское») получала полноправное представительство в сенате Речи Посполитой. Кроме того, ее очевидным образом волновала свобода православия под властью иноверного правителя — султана [22. S. 533]. Принимая во внимание известие Куницкого, можно предположить, что предъявление Порте условий Зборовского и Гадячского договоров имело целью обратить ее внимание и на существовавшие по ним политические границы Гетманщины (Киевское,

Черниговское, Брацлавское воеводства), которые Юрий Хмельницкий и стоявшие за ним старшины намеревались не только восстановить с опорой на турок, но и, как это будет видно далее, расширить за счет Подолии.

Конкретные же намерения укрепления самостоятельности Малороссийского княжества со стороны Хмельницкого и правобережной старшины раскрывались в следующих статьях.

Наибольшая часть инструкции посвящена границам будущего княжества Малой России, расширения которых Хмельницкий и его советники планировали добиваться как за счет украинских земель, оставшихся за Польшей, за счет Подолии, которая перешла под прямое турецкое управление и даже за счет тех казацких земель, которые находились под властью России.

В статье 6 говорилось, что Астаматий должен был требовать выделения из Подольского эялета бывших территорий Подольского полка с центром в Могилеве-Подольском и передачи их под власть гетмана с четким разграничением судебно-административной власти и, в частности, выдачи бежавших из-под власти Хмельницкого, в том числе преступников [22. S. 533].

После захвата Каменца-Подольского, Порты, стремясь сохранить хорошие отношения с П.Д. Дорошенко, в январе 1673 г. передала Могилев-Подольский с окрестностями в пожизненное владение правобережному гетману. После его свержения Могилевский полк был возвращен в состав Каменецкого эялета [21. S. 67–68].

Следующая, седьмая статья, также касалась земель турецкой Подолии. Речь шла о присоединении к «княжеству» владений Кальницкого полка – самого Кальника, Летичева, Сенявец, Нового Константинова и др. Вместе с Подолией они также попали под непосредственную турецкую власть и теперь Хмельницкий и его советники желали получить их под свое управление. Соответственно посол должен был настаивать, чтобы поляки ушли из Кальника, Немирова и других городов Украины, где оставались их гарнизоны по договоренностям 1676 г. (статья 10).

Статьи 15–16 содержали претензии уже в отношении России. Как известно, к 1676 г. российскому войску совместно с отрядами левобережного гетмана И. Самойловича удалось добиться свержения Дорошенко и перехода территорий правобережных полков, в том числе каневского, черкасского, чигиринского под власть царя. Хмельницкий и его советники ожидали, что акт этот будет оформлен соответствующими русско-польскими договоренностями и потому стремились торпедировать возможное соглашение при посредстве османского правительства, которое должно было домогаться передачи этих полков князю Малой России. По сравнению с этим, желания правобережных старшин вернуть при помощи Порты под власть князя Юрия Левобережную Украину и Киев, которые также продолжали оставаться предметом дипломатических споров между Москвой и Варшавой, выглядели как совершенно нереалистичная программа-максимум.

Наконец, статья 12 демонстрировала стремление Хмельницкого подчинить при помощи турецкой военной силы Запорожскую Сечь, что, по мнению авторов инструкции, должно было избавить окрестные государства, в первую очередь Крым и Порту, от «непокорного войска» («*insolens militia*») и принимаемого им беспокойства.

Инструкция отчасти отражает и тенденции внутренней политики Хмельницкого, по крайней мере те из них, в которых он ожидал поддержки со стороны османских властей. Лидеры правобережного казачества рассчитывали, что Порты не будет препятствовать свободе православного вероисповедания, вводить новые

подати, в том числе устанавливая харадж, позволит чеканить собственную монету и предоставит Хмельницкому денежный займ на пополнение пустой казны (статьи 9, 13, 14, 18 и др.); разрешит пополнять население княжества за счет переселенцев из Каменца-Подольского и привлечения людей «любой религии» из соседних стран, в первую очередь из Речи Посполитой, на вольное поселение без налогов (в слободы); пополнять ряды казацкой знати за счет наиболее достойных представителей христианского населения (статьи 8, 11 и 20); передаст под гетманское командование все те контингенты, которые находятся в Киевском и Брацлавском воеводствах, и одобрит право Хмельницкого содержать казацкие войска в необходимом ему количестве без всякого реестра (статьи 4 и 5), и т.д. При этом Хмельницкий соглашался и даже сам просил о присылке знатного «аги», который получал не только права дипломатического резидента, но и фактически право соучастия в управлении «княжеством» (статья 17). Характерно при этом, что турецкий ставленник просил османские власти содержать и упомянутого «агу», и украинского резидента, который будет направлен в Стамбул (статья 21) [22. S. 533–535].

К сожалению, нам ничего не известно о ходе непосредственных переговоров Астаматия с османской стороной. Однако отдельные известия об активном участии грека в польско-турецких дипломатических контактах сохранились в документах посольства Я. Гнинского. Демонстрируя свои дипломатические способности, Астаматий всячески пытался втереться в доверие к польским послам, снабжая их новостями о политике Порты вместе с другим представителем правобережной старшины, Сидором Коваленко. В октябре он жаловался польским послам, что «молодой» Хмельницкий не слушает его, убеждал польских послов в неискренности намерений России, которая вела с Речью Посполитой интенсивные дипломатические переговоры о союзе, одновременно информируя об этом Порту. Разоблачая в глазах польских представителей политику Москвы, грек подчеркивал ее претензии на все земли Речи Посполитой, населенные православными, где высятся православные кресты, по самый Люблин, включая и Подолию [4. S. 246–247, 252, 254]. Одновременно Астаматий всячески пытался не допустить реализации намерения польской стороны хотя бы частичного возвратить территории Подолии и Украины. «Чумой» («*pestis*») переговоров называл его Гнинский в одном из своих октябрьских писем королю и коронному гетману С. Яблоновскому, подчеркивая, что именно грек всеми правдами и неправдами («*per fas et nefas*») добивается закрепления за султаном Бара, Меджибожа, Немирова и Кальника [4. S. 249]. «*Astamaty z piekła rodem*» («Астаматий с преисподней родом»), – восклицал Гнинский в другом письме, сообщая о получении им «декларации» от везира, что турки не уступят полякам указанные города [4. S. 261]. 27(17) октября 1677 г. Гнинский сообщал, что Астаматий отбывает в Сороку, получив кафтан от везира [4. S. 254].

В феврале 1678 г. польские послы отмечали в своем дневнике, что вместо уехавшего на Украину Астаматия в Стамбуле остался его сын, который заботится не только о полученном его отцом Шаргороде, но и консультирует Порту, подобно отцу, в делах Подолии и Украины. По их свидетельству, старший Астаматий, вместе с находившимися в турецкой столице татарин-липкой Х. Муравским (перешел на османскую сторону и оказывал Порте дипломатические услуги), а также кальницким полковником С. Коваленко, немало навредили делу обсуждения польско-турецкой границы [4. S. 71] (о Х. Муравском и его деятельности в 1676–1680 гг. см. подробнее [24]). И вновь именно грек стал здесь той персоной, деятельность которой особенно досаждала

польской стороне. «A nadto jako postąpić i przemódz w argumentach choć wykreścić co, utaić albo ukreścić...», — с горечью писал автор польского дневника 6 апреля (27 марта) 1678 г., — kedy tu in contrarium inaczej informuje Astamaty o Podolu i odkrywa jego granice» («А кроме того, как поступать и превозмочь в аргументах, и хотя бы исказить чего, утаить либо сократить, когда здесь совершенно иначе информирует Астаматий о Подолии и открывает ее границы») [4. S. 128].

Польскому посольству в Стамбуле, несмотря на многомесячные дебаты, как известно, не удалось добиться от Порты каких-либо территориальных уступок в отношении условий Журавненского мира 1676 г. В апреле 1678 г. польско-турецкий договор был заключен на старых территориальных условиях (подробней о переговорах Гнинского см. [19. S. 118–133; 21. S. 86–95]).

22 (12) июня во Львове Ян Собеский издал распоряжения об эвакуации польских гарнизонов из Кальника, Немирова, Бара и Меджибожа. Окончательно войска были выведены в сентябре. При этом в ноябре турецкие власти запретили Хмельницкому использовать титул князя «Малой России и Сарматии» [21. S. 95–96], который фигурировал в инструкции Астаматию. Содержащаяся в ней просьба об утверждении княжеского титула Хмельницкого особым декретом была таким образом отвергнута султанским правительством.

В конце мая 1678 г. польское посольство, возвращавшееся из Стамбула, прибыло в лагерь турецких войск, расположенный на Дунае недалеко от Базарджика. Османские войска готовились ко второму походу на Чигирин. Здесь послы последний раз увиделись со злым гением всей своей миссии, который вместе с Х. Муравским приходил к ним повидаться, сообщить новости и извиниться за то, что не мог увидиться с поляками перед выездом их из Стамбула [4. S. 159–160].

Казацкая сторона в лице Хмельницкого и его советников, также как и польская, не сумела добиться большей части своих требований, и прежде всего территориальных. Упомянутые владения Кальницкого полка (Новый Константинов, Летичев, Сенявцы) в итоге вошли в Новоконстантиновский округ в составе Меджибожского санджака Каменецкого эялета. Осталась под непосредственной османской властью и территория Могилевского полка (в составе Каменецкого санджака) [21. S. 142, 144] (см. также карту эялета на первом форзаце книги). Единственное, что удалось осуществить в 1678 г., так это передачу под власть князя Малой России Немирова и Кальника, а также подчинения вооруженным путем правобережных городов — Чигирина, Канева, Черкасс и других в ходе ожесточенных сражений за бывшую гетманскую столицу с русско-украинской армией гетмана И. Самойловича и князя Г.Г. Ромодановского [25. S. 128–134]. Ю. Хмельницкий, впрочем, не успокоился на этом, продолжая осенью 1678 г. требовать от польской стороны Белой Церкви, Павлочи, Димера и Коростышева, которые сохранялись за Речью Посполитой по польско-турецкому договору [15. Т. 13. Стб. 708–709; 26. С. 143–144].

Что касается Запорожской Сечи, то ко второй половине 1677 г. действительно можно отнести ряд достаточно активных шагов турецкой дипломатии по подчинению ее своему влиянию. Немалую роль в этом сыграл уже упоминавшийся Х. Муравский. Османы преследовали при этом собственные интересы, предлагая запорожцам покровительство султана, а кошевому Ивану Серко, возможно, даже и гетманство, нежели стремились расширять сферу влияния князя Малой России (см. об этом подробней [24. С. 4–5, 12–13]). Порта в итоге отказалась признать Сечь владением России по итогам русско-турецких мирных переговоров 1681–1682 гг. Однако сам Юрий Хмельницкий к тому времени лишился булавы.

Воплощение в жизнь всех тех блестящих перспектив казацкой государственности, которые рисовали себе Хмельницкий и его советники в инструкции Астаматию, оказалось невозможным в опустошенной войной Правобережной Украине. Порта также не стремилась содействовать устремлениям правобережной казацкой старшины, предпочитая иметь под своей властью слабого, а не сильного вассала. Поэтому Хмельницкий не получил ни просимого кредита, не права чеканки монеты, а военная помощь сводилась к направлению в Немиров небольшого, численностью в несколько сотен, турецко-татарского отряда. Люди не хотели переселяться в разоренные войной владения князя Малой России, а его жестокости в сборе налогов и обычном вымогательстве отпугивали из Немирова и окрестностей последних подданных [25. S. 137–149]. Таким образом, провозглашенная в инструкции программа обширной колонизации правобережных украинских земель оказалась миражом без какой-либо надежды на воплощение.

Дальнейшая судьба оборотистого и, несомненно, талантливое дипломата — грека Евстафия Гиновского-Астаматия оказалась печальной, также как и политического организма того «княжества», которое он стремился выстроить под управлением сына основателя казацкой государственности, Богдана Хмельницкого. После завершения польско-турецких переговоров грек вместе с османским войском двинулся под Чигирин. Согласно данным в конце июля 1678 г. в Москве показаниям казака, молдаванина родом, Александра Лукьянова, направленного с разведывательной миссией в турецкое войско, Астаматий и Коваленко заверяли турок, что царские ратные люди в Чигирине «бится с ними не будут, кой час они придут, тот час покиня Чигирин, побежат». Турки якобы пришли под Чигирин «по тем речам» [15. Т. 13. Стб. 638, 642].

То, что именно Ю. Хмельницкий и его окружение поддерживали стремление османов взять Чигирин (что обрекало славную казацкую столицу на тотальное разорение), подтверждается и другими источниками. Так, по свидетельству Ф. де ла Круа еще весной 1677 г., после своей первой поездки на Правобережную Украину, Астаматий сообщал туркам о наличии якобы многочисленной армии «москвитов» недалеко от р. Прут, которая должна двинуться на защиту Чигирина против возможного османского натиска [20. Р. 115]. Таким образом грек «подсказывал» туркам направление главного удара. А польская секретная реляция, отправленная в Москву примерно в то же время (скорее всего, адресована находившемуся там резиденту Речи Посполитой П. Свидерскому), сообщает: «Chmielniczenko zdrajca zwabił tam jakiegoś Kozaka z Czeheryna przez drugiego, który był przy boku jego. Ten skoro tylko u niego stanął, zaraz go okowanego do cesarza wyprawił dla informatyjej. Jeśli by się mieli obrocic pod Czeheryń, to ten sobie obierają szlak od Tehiny, gdzie most na Dniestrze mimo Czczelnik, między Humań na Lebedyn las» («Хмельниченко, предатель, выманил одного казака из Чигирина через другого, который был при нем. Как только тот к нему прибыл, сразу сковав его послали к султану для информации. Если бы турки повернули на Чигирин, то выбирали б себе шлях от Тегины, где мост на Днестре, мимо Чечельника, через Умань на Лебедин лес») [27. S. 453]. Несомненно, в этих свидетельствах есть определенное преувеличение, и логично предположить, что окончательное слово касательно сроков и направления наступления оставалось все же за османским командованием.

Тем не менее, то, что грек был активным сторонником удара на Чигирин и в 1678 г., подтверждается свидетельством находившегося в османском лагере польского резидента Самуэля Проского. Он сообщает, что именно после настойчивых советов Астаматия и Ивана Яненко-Хмельницкого, 7 августа

(28 июля) 1678 г. город и замок Чигирин были подожжены зажигательными снарядами. Однако турки неохотно шли на штурм, больше смотрели на зарево. Огонь полыхал до вечера, сгорели две церкви в городе, замок в двух местах был поврежден [4. S. 364, 370].

К этому времени, видимо, подверглись дальнейшему обострению и отношения Гиновского со своим протеже, которые уже давно не были безоблачными. В октябре 1677 г. грек жаловался Я. Гнинскому, что Ю. Хмельницкий не хочет его слушать [4. S. 252], а в конце 1677 — начале 1678 г. Астаматия, находившегося в Яссах, «бил [...] за некоторую причину Хмельниченко zelo крепко» [15. Т. 13. Стб. 448]. Уже упоминавшийся А. Лукьянов сообщал, что Астаматий и Коваленко служат Хмельницкому «по неволе, что детца им негде» [15. Т. 13. Стб. 642].

4 ноября (24 октября) 1678 г. С. Проский сообщил Я. Гнинскому, что Ю. Хмельницкий, едва обосновавшись в Немирове, после взятия турками Чигирин «we dwie godziny Astametego ręką własną na 40 sztuk rozsiekał» («за два часа Астаматия собственной рукой на 40 частей рассек») [4. S. 187]. Новые подробности касательно размолвки и убийства Хмельницким Астаматия дают нам ранее неизвестные русские источники, в частности полученное киевским воеводой М.А. Голицыным в октябре 1678 г. письмо польского коменданта Белой Церкви Э.О. Раппе с приложенным к нему текстом послания некоего Александра Висродского (из Белой Церкви) С. Куницкому [6. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 68—68об.].

Комендант сообщал воеводе, что Ю. Хмельницкий, простившись 7 октября (27 сентября) с отступавшим из-под Чигирин везирем, двинулся в Немиров, «где в дороге, по давней недружбе на Астаматия [...] не дождался челяди, чтоб ево срубили, сам, добыв сабли, срубил ево». Висродский добавлял к этому, что при расставании «Хмельницкому везирь сам отдавал булаву, подавая ему власть имянем салтановым и приказывая, чтоб ему салтану был верен и не давал бы себя оболщати. А тем, которые при нем будут и которые противны учинятца, тою булавою и мечем казнил бы, приказав при боку ево будущего Астаматия, чтоб и тому розбил голову. И Астаматий, мня себе за издевку, договаривался гетманства, и как Хмельничкой с людьми ему приданными возвращался в Немиров, и в той дороге из Райгородка выехав, сам Хмельничкой во сте конях остався, Астаматию голову отсек, а тело на дороге покинутое не велел брать, и по упрошению на третей день приказал взять» [6. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 69—73]. Об убийстве Астаматия Хмельничким «по совету визиреву» сообщал и бежавший в середине ноября из Немирова на Левобережье казак [15. Т. 13. Стб. 709—710].

Напоследок следует сказать несколько слов о личной жизни грека, сыгравшего столь заметную роль в украинской истории. Она была не менее бурной, чем его политическая деятельность. Так, по сведению польских послов, проезжавших через Яссы в июне 1677 г., Астаматий бросил первую жену в столице Молдавского княжества и нашел себе другую, живя с ней в Измаиле и имея от нее «потомство» [4. S. 10]. Однако в конце 1677 — начале 1678 гг. грек вновь находился в Яссах с женой [15. Т. 13. Стб. 448], по-видимому с первой. Именно от нее у Астаматия был уже взрослый сын, находившийся, как уже упоминалось, с ним вместе в Стамбуле, а также дочь, проживавшая с мужем в Немирове. Об этом мы узнаем также от польских дипломатов, которым грек в августе 1677 г. жаловался, что его зятя в Немирове уже несколько раз подстароста С. Куницкий ставил «под меч» [4. S. 247], видимо, требуя денежного

выкупа или иного имущества. Старший сын Астаматия, Ян Гиновский-Астаматий, пережил отца и принимал активное участие в колонизации украинских земель уже в правление молдавского господаря Георгия Дуки (1681–1683 гг.), получив 20 ноября 1681 г. от него универсал на владение местечком Лисянка [б. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 12. Л. 45–46].

В приложении публикуется латинский текст инструкции Е. Гиновскому-Астаматию и его перевод на русский язык. Все сокращения раскрыты с применением квадратных скобок. При подготовке текста использовалась также уже упомянутая копия документа из архива Я. Волиньского. За консультацию и помощь при переводе латинского текста приношу благодарность Е.Ю. Капрановой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крип'якевич І. Остафій Астаматій (Остаматенко), український посол в Туреччині 1670-их рр. // Україна. Науковий двухмісячник українознавства. Київ, 1928. Кн. 6.
2. Руська (Волинська) метрика. Книга за 1652–1673 рр. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Острог; Варшава; М., 1999. Т. 5. Острог.
3. Крип'якевич І.П. Богдан Хмельницький. Львів, 1990.
4. Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego, wojewody chełmińskiego do Turcji w latach 1677–1679 / Wyd. F. Pułaski // Biblioteka Ordynacji Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Warszawa, 1907. Т. 20–22.
5. Костомаров Н.И. Руина // Исторические монографии и исследования. СПб., 1882. Т. 15.
6. Российский государственный архив древних актов.
7. Заборовский Л.В. Экономические связи России с Балканами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова (первая половина XVII в.). М., 1990.
8. Kroll P. Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660. Warszawa, 2008.
9. Бульвінський А.Г. Дипломатичні зносини України в період гетьманування Івана Виговського (серпень 1657 – серпень 1659 рр.) // Український історичний журнал. 2005. № 1.
10. Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов. Киев, 1898. Т. 3.
11. Стрельчевский С. К вопросу о сношениях Польши с козаками в 1657–1659 годах. (Перевод современного акта с польского). Б.м. Б.г. (Отдельный оттиск из Киевских университетских известий за 1873 г. подаренный автором Д.И. Иловайскому и находящийся в собрании Государственной публичной исторической библиотеки в Москве).
12. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Київ, 1998. Т. 10.
13. Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015.
14. Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985.
15. Акты Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676; СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678.
16. Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze, 2009. Т. 2.
17. Woliński J. Materiały do dziejów wojny polsko-tureckiej 1672–1676 // Studia i materiały do historii wojskowości. Warszawa, 1970. Т. 16. Cz. 1.
18. Смолий В., Степанков В. Петро Дорошенко. Політичний портрет. Київ, 2011.
19. Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji. 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976.
20. De la Croix F. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie. Paris, 1689.
21. Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warszawa, 1994.
22. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Zamojskich. Rps. 3037.
23. Archiwum PAN w Warszawie. Teki Janusza Wolińskiego. Teka 66.
24. Коцегаров К.А. Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // Славяноведение. 2011. № 2.
25. Rawita-Gawroński F. Ostatni Chmelnicznko (zarys monograficzny). 1640–1679. Poznań, 1919.
26. Чухіб Т.В. Український князь з козацького роду. Юрій Хмельницький. 1676–1681 // Чухіб Т.В. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). Київ, 2004.
27. «Z Jaworowa 31 maji [1677] przycyfrowana na stolice przysłana Relatia pokoju z Turkami». Archiwum Państwowe w Krakowie. Oddział na Wawelu. Archiwum Sanguszków. Rękopisy. Rps 67.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1677 г. июля 17. Инструкция гетмана Юрия Хмельницкого послу
в Османскую империю Евстафию Астаматию-Гиновскому.

(S. 532) Instructio g[ene]roso d[omi]no Eustachio
Ginowski Astamatio vices gerenti nostras et legato
ad Excelsam Portam Ottomannam a nobis, principe
ac duce Minoris Russiae, et Ukrainensis Exerci[tus]
Zaporoviensis commissa^a:

Ut quam primum Constantinopolim // (S. 533) venerit, salutem[ue] supremo
vezirio, cunctisque Excelsae Portae ministris cum officiorum meorum commendatione
reddiderit haec peragat:

1. Pro insigniis, hoc est pro vexillo et clava Potentissimi Sultani, quae ex manibus
Imbraim passae serdarij accepi debet gratias agere.
2. Ut supremo vezirio meum affectum et sinceritatem erga se et Excelsam Portam
rep[raes]entet.
3. Sicut olim superstite *parente n[ost]ro*^b in Ukraina variisque tractatibus cum
Serenissimo Rege Poloniae Ioanne Casimiro etiam praesente ipso Hano Crimensi
in expeditione ad Zborow et Hadziacz sub iuramento confirmatum fuit, quin ducatus
noster Minoris Russiae senatorio in Republica totiusque etiam status spiritualis
privilegio gauderet, ut Excelso Porta eidem rei assontiatu postulare debet.
4. Petet ab Excelsa Porta, ut palatinatus Kiioviensis et Braslaviensis in ducatu
Ukrainensi existentis officia id e[st] palatinatus praesidia et reliqua pro libitu et
ordinatione ducis committi possint, uti aliis temporibus fiebat.
5. Postulabit quo ad exercitum intertenendum in ducatu nostro, ut cum consensu
soltani nobis liberum maneat, habere militem cuiuscunque nationis et numerum
sine registro extradendo, in quantum libuerit et proventus importabunt.
6. Sollicitabit, ut legio Podoliae, nominatim Mohilovia usque ad Uszycam fluvium,
sicut olim ad clavam nostram pertinebat, denuo restituatur. Hoc vero eget singula-
ri privilegio soltani, ne passa Camenecensis in hanc partem Podolia se ingerat;
nihilominus cum in confinibus saepius perversi homines et seditiosi inveniuntur,
si quis aut insolentiam committat aut ex dominio nostro Camenecum confugiat,
praedictus passa, data notitia ejusmodi delinquens vel extradere vel pro merito
punire teneatur.
7. Instabit, ne a legione Calnicensi civitates eo pertinentes, uti Leticzow, Sieniawzi, Nowy
Constantinow et alia quamvis hoc belli tempore separatae fuerint, ab alienentur.
8. Meminerit, quoniam in ducatu nostro propagines nobilium familiarum propter
malignitatem pessimae plebis rusticanae durante bello defecerunt // (S. 534), ut facultas
detur adsciscendi homines nobilis, imo nobilitandi eos, qui id merentur ob bene gesta,
ne cogamur improbis et indoctis officia conferre, sed potius per timoratos ex lege
Christiana, et doctos praevertere seditiones rusticantium.
9. Conabitur impetrare, ne amplius tributum exigatur tam a virginibus et adolescentibus
quam viris et faeminis, ita ex multis legionibus, oppidis et villis nobis supplicatum est.
10. Invigilabit, si Poloni cederent ex Kalnik, Niemierow et aliis munitionibus ab anti-
quo ad ducatum nostrum spectantibus, tunc oportet petere, ut illa omnia nostrae
iurisdictioni reddantur.

^a На полях помета: «Od Jurka Chmelnickiego».

^b Слова подчеркнуты карандашом, напротив, на полях, помета: «Chmielnicki?». Речь идет о гетмане Б. Хмельницком.

11. Videbit, ut fiat licentia posse in Ukraina cuiuscunque religiones homines locari in slobodiis, quo magis Sultano multiplicentur subditi, prout jam sub Regibus Poloniae admissum fuit.
12. Singulariter curabit, ut Zaporovia totis viribus recuperetur et potestati nostrae subjiciatur, ne amplius ibidem insolens militia locum habeat, qui inter monarchas differentias causent, sed occasio levetur dominium Crimense, Imperium Turcicum et ducatum nostrum damnificandi.
13. Petit a supremo visirio, quandoquidem per tot annorum bella ducatus noster pecuniis exhaustus est, ut possimus libere monetam cudere.
14. Incumbet, ut *pro nobis titulus ducis*^c per decretum Excelsae Portae confirmetur et in scriptis obtineat privilegium promissum nempe pro libertate et ecclesiis, ut sine ullo tributo aut haracz maneamus.
15. Supplicabit Excelsam Portam, postquam Poloni cum Moscis seu per tractatus seu ferro rem fini[v]erint, ut omnia ex hac parte Boristenis oppida et rura ad legiones Czeherinensem, Czerkasiensem nec-non Konioviensem pertinentia ad nostram iurisdictionem redeant et uti in vita parentis nostri fuit, iisdem legionariis restituantur.
16. Quando Poloni a Moschis Kiioviam reciperent sicut audivim[us], quod Moschi omnem ulteriorem Ukrainam cedere velint, tali casu procurabit, si foret, ut legiones partium trans Boristenem deditionem facerent quo modo contigit sub parente nostro, ut Excelsa Porta easdem in suam protectionem recipere velit et nostrae iurisdictioni committere, maxime // (S. 535) cum ad praedictam Kiioviam tanquam haeres et successor ius habeamus.
17. Desiderabit a supremo vesirio unum agam autoritativum, qui sciat scribere turcice et latine et tanquam testis nostrae fidelitatis *assistat, in consiliis secreta cognosca*^d, cum iudicibus nostris dividicet et quae agun[tur], Excelsae Portae notificet, sed tamen sustentationum et expensas a sultano habere debeat.
18. Rogabit supremum vesirium, ut ex gratia sua impetrare possimus vel Constantinopoli ex thesauro sultani vel ab Ibrahimio passa aliquot decades marsupiorum cum pecuniis pro nostra necessitata, cum magnae expensae in militiam modo fieri debeant, cum hac quidem pollicitatione, quod rebus tandem (Deo annuente) compositis in ducatu nostro cuncta refundere velim[iis].
19. Effectuabit apud eundem vesirium, ut ad p[a]ces n[ost]ras ecclesiam in Sakoza^e erigi patiatur; in hoc puncto vel maxime cancellarium Excelsae Portae sollicitabit, ut intercessionem faciat, et etiam consili^f sit in omnibus, quae in commisione sunt.
20. Sedulo curabit, ut reliquiae civium camenecensium ad ducatum nostru mittantur, pro augmento subditorum Excelsae Portae in his locis ratione belli, multum dishabitatis.
21. Exponet Excelsae Portae, ut residenti nostro cum suis hominibus commodum hospitium providentur, censusque detur, qui residentibus Doroszenkovianis dabatur, imo auctior propter majorem suam munificentiam et in nos benevolentiam, quod petendum obnixè quidem sed non moleste volumus.
22. Procurabit, ut a vesirio quanto citius expediatx[ur] et ad nos remittatur nullibi immorando.

Scriptum in castris extra Bender ad Nistrum, 15 julii 1677

^c Слова подчеркнуты карандашом, напротив, на полях, помета: «(Jurek Chmielnicki)».

^d Слова подчеркнуты карандашом.

^e Топоним не идентифицирован.

^f Видимо, под «канцлером» подразумевается переводчик дивана (драгоман) Александр Шкарлат (Маврокордато).

Перевод

Инструкция благородному господину Евстафию Гиновскому Астаматию, нашему наместнику и послу к Высокой Оттоманской Порте, данная нами, правителем и князем Малой России и Украинского Войска Запорожского:

Как только прибудет в Константинополь и поприветствует великого визиря и всех министров Высокой Порты, свидетельствуя им мое почтение, пусть сделает следующее:

1. За инсигнии, то есть за хоругвь и булаву, которые я получил из рук Ибрагима паши сердара, Могушественнейшего Султана должен поблагодарить.
2. Великому визирю пусть передаст мою приязнь и искренность, [лично] к нему и к Высокой Порте.
3. Так как ранее, при жизни нашего родителя, на Украине различными договорами со светлейшим королем Польши Иоанном Казимиром, даже в присутствии Крымского хана, во время походов на Зборов и Гадяч было утверждено присягой, что княжество наше Малороссия будет представлено в сенате Речи Посполитой и будет обладать полной свободой вероисповедания, — должен потребовать, чтобы Высокая Порта с этим согласилась.
4. Будет просить у Высокой Порты, чтобы служилые люди в воеводствах Киевском и Брацлавском княжества Украинского, то есть воеводств этих гарнизоны и прочие, по желанию и распоряжению князя вверены быть могли [кому угодно], как в иные времена бывало.
5. Будет добиваться, чтобы для содержания войска в княжестве нашем, нам с согласия султана можно было принимать воинов любого народа и в любом количестве, не предъявляя реестра, сколько нам будет угодно и в зависимости от удачи [в этом деле].
6. Будет убеждать, чтобы полк Подольский, называющийся также Могилевским, аж до реки Ущицы, который некогда к булаве нашей принадлежал, был возвращен нам обратно. Но это нужно сделать только по отдельному султанскому привилею, чтобы каменецкий паша в эту часть Подолии не вторгался; вместе с тем, поскольку в окрестностях [Каменца] часто встречаются дурные люди и мятежники, то если кто или учинит беззаконие, или из-под власти нашей сбежит в Каменец, чтобы паша, будучи извещен [об этом], таких преступников либо выдавал, либо подвергал заслуженному наказанию.
7. Будет настаивать, чтобы владения Кальницкого полка, такие, как Летичев, Сенявцы, Новый Константинов и другие, которые хотя в результате этой войны временно отделены оказались, были возвращены обратно.
8. Напомнит, что поскольку в княжестве нашем потомки знатных фамилий вследствие злобы наихудших из сельской черни были истреблены в результате длительной войны, пусть [нам] дадут возможность привлечения знатных людей или даже нобилитации тех, кто заслужит это добрыми делами; дабы не пришлось нам брать на службу недостойных и неотесанных, но предотвращать мятеж простонародья с помощью благочестивых христиан и ученых людей.

9. Постарается вымолить, чтобы больше не взымали подать с девушек и подростков наравне с женщинами и мужчинами — об этом нас умоляют множество полков, городов и деревень.
10. Если поляки уйдут из Кальника, Немирова и других крепостей, издавна к княжеству нашему относящихся, постарается использовать момент и испросить возврата всего этого под нашу власть.
11. Позаботится, чтобы было дано право селить на Украине в слободы людей любой религии; это тем скорее приумножит подданных султана, что разрешалось уже при польских королях.
12. Будет особенно заботиться, чтобы все Запорожье было всеми силами освобождено и нашей власти подчинено, чтобы не было там больше непокорного войска, которое сеет раздоры между государями, и таким образом исчезла бы возможность [для запорожцев] вредить государству крымскому, империи турецкой и нашему княжеству.
13. Просить великого везира, что поскольку из-за столь многолетней войны казна княжества нашего крайне истощена, чтобы позволено было свободно чеканить монету.
14. Стараться, чтобы наш княжеский титул был утвержден декретом Высокой Порты и выдана обещанная грамота с привилегиями о вольностях и церквях без упоминания о каком-либо налоге или харадже.
15. Будет просить Высокую Порту, чтобы после того, как поляки с московитами решат [между собой] дело либо посредством договора, либо оружием, чтобы все города и села по эту сторону Борисфена, относящиеся к Чигиринскому, Черкасскому, а также к Каневскому полкам, вернулись под нашу власть, и как при жизни родителя нашего эти полки были бы восстановлены.
16. Поскольку московиты, как мы слышали, вроде бы возвратили полякам Киев, то на случай, если московиты захотят уступить им и всю тогочную Украину[§], необходимо позаботиться о том, чтобы полки из земель, находящихся за Борисфеном, которые подчинялись родителю нашему, Высокая Порта соизволила принять под свою протекцию и передала под нашу власть, главным образом потому, что на упомянутый Киев мы как наследник и преемник имеем все права.
17. Попросит у великого везира одного надежного агу, который умеет писать по-турецки и по-латыни, чтобы он состоял при нас как свидетель нашей верности, знал бы тайны всех совещаний, вершил бы суд с нашими судьями и о происходящем Высокой Порте доносил, но, однако, его содержание и расходы должен обеспечивать султан.
18. Будет ходатайствовать перед великим везирем, что по милости его мы смогли бы получить либо в Константинополе из султанской казны, либо у Ибрагима паши несколько десятков мешков с деньгами для наших нужд, так как нам предстоят большие военные расходы, с тем обещанием, что когда дела в княжестве нашем наконец (Бог даст) придут в порядок, мы все в целости возвратили.
19. Будет добиваться у того же везира, чтобы по мольбам нашим, было позволено церковь в Сакозе возвести; по этому вопросу, пожалуй, он будет просить

[§] То есть Левобережную Украину.

канцлера Высокой Порты о посредничестве и совете во всех порученных делах.

20. Особо позаботится о том, чтобы уцелевших горожан каменецких отослали в княжество наше для пополнения числа подданных Высокой Порты в этих краях, из-за войны сильно обезлюдевших.
21. Разъяснит Высокой Порте, что резиденту нашему с его людьми следует оказывать надлежащее гостеприимство и давать содержание – такое же, какое давалось резидентам Дорошенко, и даже большее, из-за большей ее [Порты] щедрости и благосклонности к нам; этого мы добиваемся настойчиво, но не назойливо.
22. Будет стараться, чтобы везирем был как можно скорее принят и к нам отослан, нигде не будучи задержан.

Писано в лагере под Бендерами, что на Днестре, 15 июля 1677 г.